

Правда, некоторые из них избежали этой участи — они умерли раньше, в тюрьме.

Очевидно, обращение к ворожеям и волхвам в XVII в. имело огромное распространение, не даром в окружной царской грамоте 1648 г. говорится: «а иные люди тѣхъ Чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ в домъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе».¹

Даже в переводной книге по военному делу «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», напечатанной в Москве в 1647 г., даются «ратному человѣку» следующие наставления: «И надобѣ ему у бога помощи и одолѣнія на недруга просить, и во всякой нуждѣ и въ страхѣ едино на бога уповать, и на иныя заказанныя идольскія мѣры и на вѣдовство не надѣяться и отъ оружія, отъ поколотія, и отъ стрельбы не заговариваться, которые все отъ дьявола есть».²

Таким образом, ворожба и волшебство были в XVII в. обычным явлением в быту и крестьянства, и купечества и даже царского двора. Ворожеям и волхвам верили. С их помощью надеялись сыскать любовь и расположение близких или необходимых людей. С их помощью надеялись получить удачу в делах. К их услугам можно было обратиться в любой момент.

Припомним, что в «Повести о Савве Грудцыне» жена Бажена Второго вызывает к себе любовь Саввы «лютым отравным зельем», что все удачи Саввы на военной службе объясняются помощью его названного брата — беса, что так же легко, как это бывало в жизни, обратились к волхву гостинник и жена его тогда, когда Савва, изгнанный из дома Бажена Второго, вновь поселился у них, «сердцем скорбя и неутѣшно тужаше по женѣ оной». Близость «Повести о Савве Грудцыне» в этих вопросах к мирозерцанию широких социальных слоев, и в частности — купечества, Московской Руси XVII в. совершенно бесспорна.

Если по широко распространенному верованию ворожея и волхв, эти посредники между дьяволом и человеком, являлись для XVII в. реальной силой, с которой надо было серьезно считаться, то точно также в представлении людей этого времени такой же реальной силой, а не фантастическим вымыслом и не метафорическим образом, был и бес.

Ф. И. Буслаев в своей статье «Бес»³ стремится показать, что отношение к бесу в XVII в. резко меняется, что сам бес приобретает шутовской

¹ Цитирую по статье А. Н. Афанасьева «Ведун и ведьма». См. «Комета», стр. 96.

² «Московский телеграф», 1833, VIII, стр. 311.

³ Ф. И. Буслаев. Мои досуги, т. 2, М., 1886, стр. 1—23.